

ЯЗЫК И ЕГО РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЗНАНИЯ И СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

(Рец. на кн.: *Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г.*
Теория языка : антропологистика. М. : ВКН, 2021. 256 с.)

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

LANGUAGE AND ITS DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF HUMAN'S COGNITION AND CONSCIENCE EVOLUTION

(Review of *Grinyov-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Vikulova L. G.*
Theory of language : anthropolinguistics. Moscow : VKN, 2021. 256 p.)

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Рецензируемое издание привлекает внимание лингвистов в частности и филологов вообще новым для отечественного академического контекста подходом к изучению языковедческих проблем – антропологическим взглядом на становление языка, человека и цивилизации. Задуманная как учебное пособие для обучающихся в высших учебных заведениях по направлениям и специальностям «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Медиация», «Филология», «Педагогическое образование» (с. 2), книга адресуется также специалистам «в области социогуманитарной сферы и научным работникам, специализирующимся в области терминоведения, лексикологии, общей и прикладной лингвистики, антропологии» (с. 2), а также всем, кто интересуется «проблемами становления современного человека и цивилизации» (с. 2).

Будучи по своему формату прежде всего учебным пособием, книга имеет хорошо структурированное содержание, что существенно облегчает ориентацию в рассматриваемом авторами проблемном поле, с одной стороны, и проясняет логику изложения позиции авторов по общим и частным изучаемым вопросам. В книге шесть глав: «Основные черты антропологистики» (с. 15–55), «Проточеловеческий пери-

од эволюции человека: от австралопитеков до кроманьонца» (с. 56–95), «Донаучный период эволюции человека» (с. 96–121), «Протонаучный период эволюции человека» (с. 122–158), «Научный период эволюции человека» (с. 159–181), «Современный (информационный) период эволюции человека» (с. 182–220), – в которых терминоведческие и шире – лексикологические – проблемы последовательно погружаются во внешний для функционирования языка контекст: становление и многочисленные преобразования человека как вида, как общества, т. е. сложно организованной совокупности его членов, и как единичного субъекта в двух средах, обуславливающих его развитие и метаморфозы: первичной для него, естественной (природной) и вторичной (культурной), творимой им самим. Об этом недвусмысленно свидетельствует членение содержания каждой из упомянутых глав.

Содержание каждой главы также четко структурировано; например, в четвертой главе, освещающей протонаучный период эволюции человека, пять параграфов: «4.1. Общие черты периода», «4.2. Изменения в словаре», «4.3. Роль семантических процессов в развитии языка и мышления», «4.4. Сопоставление филогенетических данных с онтогенетическими», «4.5. Итоги протонаучного периода». Причем пара-

граф 4.3 имеет четыре пункта: «4.3.1. Полисемия в языке и мышлении», «4.3.2. Синонимия как явление в мышлении и языке», «4.3.3. Роль гипонимии в систематизации знаний о мире», «4.3.4. Место и значение в языке паронимии». Подобное членение содержания свидетельствует, с одной стороны, о тщательности и многоаспектности анализа, а с другой – о его междисциплинарности.

Все главы, за исключением первой, открывает параграф, называемый либо «Общие черты и проблемы периода», либо «Общие черты периода», призванный лаконично и акцентированно охарактеризовать соответствующий этап эволюции человека и особенности познания и сознания человека конкретного периода, как он предстает в современных антропологических и иных исследованиях.

Завершается каждая глава практическими заданиями (как правило, их пять, но есть также семь или шесть), нацеленных на проверку степени усвоения изложенных в соответствующей главе основополагающих, с точки зрения авторов, сведений, интерпретацию проблемных высказываний конкретного исследователя, а также побуждающих читателя к изучению биографии того или иного ученого и осмыслению вклада последнего в изучаемую науку.

Изложение основного содержания завершается пятью выводами (с. 221) и сжатым комментарием относительно значимости специальной лексики и существования различных типов лексики, закономерно связываемых авторами с интеллектуальным расщеплением общества (с. 221). Свои рассуждения относительно среднего возраста умственного развития людей в разные периоды, мотивов и причин их поведения, общих принципов человеческого мышления, прогнозирования путей и основных черт эволюции человека как вида и др. авторы заканчивают следующей констатацией: «Один из наиболее важных выводов из результатов уже проведенных исследований заключается в том, что ускорение процесса познания существенно зависит от уровня развития специальной лексики» (с. 222).

Свое пособие авторы снабжают глоссарием (с. 223–241), содержащим 77 терминов, ряд из которых имеет синонимы и/или дополняются раскрытием значимых в соответствующей области более частных научных понятий. Терминологический аппарат разнороден и активизирует сведения из антропологической, социологии, когнитологии, психологии, истории, философии, филологии и собственно лексикологии в ее классической отечественной трактовке.

«Рекомендуемые источники информации» (с. 242–255) делятся на «Основную литературу» (с. 242–243), где явно доминируют труды по языкознанию, «Дополнительную литературу» (с. 243–254),

«Словари и справочные издания» (с. 254–255), «Интернет-ресурсы» (с. 255).

Открывает книгу «Методическая записка» (с. 6–11), в которой в полном согласии с требованиями к такого рода документам представлены пункты, характеризующие общекультурные компетенции (с. 6–7), общепрофессиональные компетенции (с. 7–8), профессиональные компетенции (с. 8), а также называющие требования к уровню освоения содержания дисциплины (с. 9–10). Здесь имеются также методические рекомендации студентам (с. 10–11), раскрывающие им способы работы с глоссарием и объясняющие смысл самостоятельных заданий разного вида (с. 11).

Во «Введении» (с. 12–14), следующем за «Методической запиской», авторы кратко характеризуют становление и истоки антропологии и антропологической лингвистики, называя задачей последней «реконструкцию недостающих страниц эволюции человека» (с. 12). Главной особенностью антропологической лингвистики авторы считают «концентрацию внимания на эволюции мышления и отражения этого процесса в языке, прежде всего в лексике» (с. 12). И хотя целесообразность фокусирования исключительно и/или прежде всего на лексике при изучении эволюции мышления правомерно поставить под сомнение, нельзя не признать, что расширение лексикона и разнообразные трансформации в нем тесно связаны с разнообразными мыслительными процессами как у отдельных единичных носителей языка и культуры, так и у человека как вида.

Авторы совершенно справедливо призывают не отождествлять антропологическую лингвистику с другими дисциплинами: с этнолингвистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой, семиотикой, психолингвистикой, прикладной лингвистикой, этнографией, традиционной лингвистикой (с. 14). Поэтому цель своего пособия они видят в том, чтобы «раскрыть содержание антропологической лингвистики и установить границы этой науки» (с. 14).

Оглядываясь ретроспективно предложенное авторами содержание, с ними можно вполне согласиться и разделить их интерпретации предметного поля антропологической лингвистики за некоторыми замечаниями.

В качестве в некотором смысле содержательной претензии авторам можно выразить несогласие с излишним вниманием к лексике и недостаточным вниманием к грамматике (в широком понимании), поскольку функционирование языка как средства познания и коммуникации отнюдь не исчерпывается количественными и качественными изменениями в лексиконе как коллективного субъекта, так и каждого из единичных субъектов как носителей языка и куль-

туры. И подобно тому, как интеллектуальные способности конкретного человека не находятся в прямой зависимости от веса его головного мозга, способности и мастерство человека выражать свои мысли ясно, четко, убедительно, виртуозно и просто-напросто красиво, эффектно, эффективно и успешно не сводятся напрямую ни к соотношению у него активного-пассивного словаря, ни к уровню его образованности, ни к особенностям профессиональной деятельности. Истории человеческой мысли известны многочисленные случаи, когда косноязычный в быту человек создавал блестящие по форме и содержанию театральные пьесы, до сих пор пользующиеся популярностью у зрителей, когда малообразованные в академическом отношении люди рассказывают о своих домашних питомцах так, что их можно слушать часами, когда высокообразованные эрудиты оказываются неинтересными собеседниками, несмотря на все их разносторонние знания, и т. д. И чтобы еще раз вспомнить о неоднозначности корреляций между количеством и качеством при использовании носителями языка и культуры разноуровневых и разнородных языковых средств в коммуникации, достаточно привести знаменитое чеховское «*Пишу длинно, так как нет времени*».

Кроме того, в рассуждениях, подобных анализируемому, вряд ли целесообразно забывать о таких «банальностях», как той, что ни одна единица лексикона не рождается вне своих обязательных грамматических параметров: семантических, морфологических, синтаксических, тесно и закономерно связанных с когнитивными, т. е. в конечном итоге с результатами процессов категоризации и концептуализации воспринимаемых сведений о мире. Ср.: *хулиган* – *хулиганить* – *хулиганистый*, *красота* – *красивый* – *красоваться* или же *ковид-19*, который мыслится как предмет (объект), и поэтому его обозначение оформляется в разных языках как существительное, а не как глагол или прилагательное.

Очевидно также то, что лексические единицы как таковые встречаются только при анализе, а в реальности и «наивный лингвист», и филолог, и любой иной исследователь имеют дело с коммуникативными единицами разной степени синтаксической сложности. *Ух-ты!*, *Wow!* – это же не лексическое средство, не отдельная лексема, это коммуникативная, синтаксическая единица, обладающая всеми теми же категориями, что и любой толстовский (предложение-) период. Полисемантом соответствующая единица является только в словаре, т. е. после лингвистического анализа лексикографом, а в ментальном лексиконе действуют иные законы.

Необходимо также помнить о том, что в коммуникации носители языка и культуры выбирают то или иное средство – первичное или вторичное – из набо-

ра изофункциональных средств, руководствуясь при этом самыми разными соображениями и опираясь на когнитивные, номинативные, дискурсивные (коммуникативные) стратегии, усвоенные и присвоенные ими как способы решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи в определенных условиях. Поэтому, рассуждая вообще о связи языка и мышления, нельзя не делать существенную поправку на влияние комплекса разнородных и разнонаправленных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому тексту как результату использования языковых средств в коммуникации.

Конечно, при анализе рецензируемой книги, естественно, не возникает сомнения в том, что авторы анализируемого пособия сознательно пренебрегают отмеченными закономерностями; ср. только уже название параграфа 4.4. «Сопоставление филогенетических данных с онтогенетическими». Однако их акцентированное внимание к лексической системе в специальной лексике может исказить у неподготовленного читателя впечатление о способах фиксации сведений о мире средствами языка, с одной стороны, и о вкладе собственно лексики при выборе способов и средств решения некоторой когнитивной и коммуникативной задачи носителями языка и культуры – с другой. Этими соображениями и обусловлены сделанные замечания.

Несмотря на высказанные замечания, очевидные достоинства рецензируемого издания следует усмотреть в том, что авторы в лаконичной форме изложили наиболее значимые теории антропогенеза, показав, с одной стороны, довольно широкий разброс мнений относительно эволюции человека как вида и культурогенеза, с другой стороны, связав актуальные проблемы глобального звучания для современного общества с особенностями интеллектуального развития человека как носителя языка и культуры, изучив перечисленные проблемы на фоне описания качественного и количественного развития лексикона. Имея четкое представление о контексте, в котором в XXI в. эволюционирует человек, охарактеризованный посыл вряд ли можно переоценить. Да и сами авторы довольно убедительно показывают, насколько информативными по отношению к оценке уровня развития человека в тот или иной период являются особенности использования языка как средства решения коммуникативных и когнитивных задач в тех или иных коммуникативных условиях.

Следует особо обратить внимание на очевидность межпредметных связей, в частности, на корреляции между антропологией и историей языка, когда авторы раскрывают высокую объяснительную силу данных о понятийной структуре некоторых тематических полей в разных языковых культурах на разных этапах развития последних.

Для читателей, испытывающих явную слабость к количественным показателям, авторы подготовили данные относительно объема активного/пассивного словаря, количественных и качественных параметров лексикона образованного и необразованного человека в ту или иную эпоху развития культуры и пр., а также разъяснили сомневающимся в высокой объяснительной силе лингвистических изысканий общенаучную значимость соответствующих количественных показателей. А поскольку данные о лексиконе довольно легко верифицируемы и могут сразу же использоваться в практике преподавания языка и/или оценке деятельности обоих субъектов соответствующего образовательного процесса, подобные сведения, естественно, также трудно переоценить. См., к примеру, данные на с. 84 о словарном запасе ребенка или сведения о тенденциях к увеличению объема словаря в процессе эволюции человека на с. 54, или же сведения о словаре человека в конце протонаучного периода на с. 153.

Дидактическая ценность анализируемого пособия заключается также в том, что обучающиеся по направлениям «Лингвистика и межкультурная коммуникация» или «Филология» существенно расширяют свою эрудицию в филологической и общегуманитарной сфере за счет проверенных научных сведений, получая таким образом возможность критического осмысления «новейших» трактовок возникновения и эволюции человека как вида, которыми так изобилует интернет-пространство.

С обозначенной точки зрения рецензируемое учебное пособие можно с полным правом рекомендовать в качестве дополнительного источника информации по дисциплине «Теория межкультурной коммуникации».

Содержание книги выстраивает самым естественным образом «мостики» и к таким дисциплинам, как культурология (показывая последовательность типов культур и цивилизаций: от собирательства к скотоводству, земледелию; от индустриальных культур к информационному обществу), общее языкознание (знакомя читателей с разными теориями возникновения языка у человека), психологией (раскрывая значимость процедуральных и декларативных знаний) и пр.

Наконец, книга написана ясным языком и снабжена интереснейшими примерами из разных видов деятельности человека. Например, на с. 141 в качестве иллюстрации относительно лексикона XVIII в. приводятся данные о доли профессиональной лексики в лексиконе носителей разных языковых культур: так, в то время было 10 видов текстильных машин, русские коневоды различали 20 аллюров у лошадей, 40 мастей лошади и т. д., у немецких ремесленников было 6 типов топоров, 5 – молотков, 10 – пил, 22 –

рубанка и т. п., и каждый вид соответствующих инструментов и способов работы с ними имеет, естественно, свое обозначение.

Одной из особенностей стиля и, по всей видимости, концепции пособия в целом следует признать, пожалуй, тезисное изложение наиболее существенных для рассуждений положений. Так, на с. 19, например, авторы называют 7 предпосылок, вызвавших, по их убеждению, появление новой дисциплины, т. е. антропологической лингвистики. Каждый из приведенных тезисов можно, что вполне понятно, расширить и углубить, однако их совокупность и в имеющемся виде дает исчерпывающее представление о ходе размышлений исследователей, а также о характере их аргументов и нацеленности их размышлений и целеполагания исследования в целом. Поэтому не возникает недопонимания относительно трактовок объекта (с. 30), предмета (с. 30) и методов исследования (с. 30), а также места антропологической лингвистики в системе смежных наук (с. 31–35). И хотя приводимые трактовки могут у того или иного исследователя вызывать несогласие и/или же разного рода уточнения, дополнения, изъятия и пр., позиции исследователей ясны и обосновываются.

Те же функции выполняют и схемы, таблицы. Например, на с. 88–89 приводятся случаи семантической сверхгенерализации для ребенка, и делается экстраполяция на предположительно аналогичный процесс у человека при его эволюции (с. 88, ср. также с. 91–92 и далее). Характерно, что авторы опираются при этом на результаты исследователей разных языковых культур.

Особого внимания заслуживают обобщения относительно изменений в познании и словаре, среди которых авторы называют пять параметров, свойственных всем описанным им этапам:

- «← продолжительность этапа,
- преобладающий тип лексем и соответствующий тип обозначаемых ими идей,
- определенный тип культуры,
- предполагаемый объем словаря в конце каждого периода,
- особенности индивидуального словаря» (с. 183).

Основным выводом из проведенного исследования можно признать также выявленную ими тенденцию «ускорения познания и укорачивания продолжительности последующих этапов» (с. 184). Словарь человека авторы описывают как совокупность хронологических типов лексем: протослов, обыденных слов, профессиональных слов (прототерминов), терминов и номенов (с. 185). Авторы утверждают: «...каждый последующий слой лексических единиц является более специализированным, что заметно в сужении, специализации их значений. Эта специализация отражает развитие мышления человека от

ранних расплывчатых представлений к представлениям памяти, а затем воображения; затем к специальным представлениям и, наконец, к понятиям» (с. 185).

Подводя итог анализу учебного пособия Сергея Викторовича Гринева-Гриневича, Эльвиры Анатольевны Сорокиной, Ларисы Георгиевны Викуловой, целесообразно процитировать их констатацию, сформулированную в качестве обобщения их рассуждений относительно основных постулатов антропологической лингвистики: «Открытие поэтапности развития сознания человека не только дает возможность более полного представления характера изменений его психологии на разных этапах его эволюции, но и позволяет использовать выявленные исторические тенденции для прогнозирования дальнейших этапов» (с. 55).

Таким образом, очевидно, что рецензируемое учебное пособие имеет значение как с теоретической, так и с прикладной точек зрения.

В теоретическом отношении значимость поднятых и решаемых в пособии проблем можно охарактеризовать как в общем, так и частном смыслах. Ясно, что авторы затрагивают общетеоретические фундаментальные вопросы, позволяющие осмысливать соотношение языка и мышления, восприятия и категоризации сведений о мире, способов объективации сведений о мире и их интерпретации в коммуникации, соотношения эксплицируемого и имплицитного. Под этим же углом зрения необходимо рассматривать функциональный потенциал языка как средства познания и коммуникации в разных культурных про-

странствах, имея в виду диалектику универсального и культурно специфического, объективного и субъективного, общего и частного, закономерного и случайного, конвенционального и окказионального.

Частнотеоретические вопросы входят в сферы ответственности практически любой гуманитарной дисциплины. И в этом смысле весьма важно четко отграничить предмет исследования антропологической лингвистики от предмета смежных с ним дисциплин. Особо важной эта задача становится в актуальных условиях, поскольку в гуманитарном образовании необходимо ясно осознать, в каких именно сведениях и в каком объеме нуждаются обучающиеся по тому или иному направлению, чтобы не дублировать складывающийся профиль, не уничтожая искусственно естественные межпредметные связи, способствуя формированию общих и профессиональных компетенций, обеспечивающих умение эффективно решать в постоянно усложняющихся условиях новые задачи.

Следуя выявляемым закономерностям эволюции познания, сознания человека и самого человека в эмоциональном, рациональном, психологическом, социальном, когнитивном отношении, целесообразно твердо помнить, что «результаты антропологических исследований, позволяющие объяснить и предвидеть мотивы поведения различных слоев населения, становятся важными не только для психологии, но также для социологии, политологии и ряда других общественных наук» (с. 222).

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Поступила в редакцию 1 сентября 2021 г.
Принята к публикации 25 декабря 2021 г.*

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Язык и его развитие в контексте эволюции познания и сознания человека (Рец. на кн.: Гринева-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г. Теория языка : антропологическая лингвистика. М. : ВКН, 2021. 256 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 161–165. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/9012>

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Received: 1 September 2021
Accepted: 25 December 2021*

For citation:

Grishaeva L. I. Language and its development in the context of human's cognition and conscience evolution (Review of Grinyov-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Vikulova L. G. Theory of language : anthropological linguistics. Moscow : VKN, 2021. 256 p.). Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2022. No. 1. Pp. 161–165. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/9012>